

УДК 364.635:343.85(470.332)

**СОСТОЯНИЕ БЕСПРИЗОРНОСТИ
И ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В 1941-1945 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Иванов А.М., Котова Э.А.

В статье рассматриваются проблемы беспризорности, возникшие во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Авторы исследуют состояние детских домов на примере Вяземского детского приемника Смоленской области. В научный оборот введены новые архивные документы, показывающие проблемы организации и санитарного состояния детских воспитательных заведений. Также приведены статистические данные о безнадзорных детях и подростках, оказавшихся в криминальной среде, и о совершенных ими преступлениях. Авторами сделан вывод о том, что государством был учтен опыт прошлых войн с целью недопущения беспризорности и роста детской преступности.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, детские приемники, несовершеннолетние, Великая Отечественная война.

**THE STATE OF HOMELESSNESS
AND JUVENILE DELINQUENCY IN 1941-1945
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION)**

Ivanov A.M., Kotova E.A.

The article deals with the problems of homelessness that arose during the Great Patriotic War of 1941-1945. The authors study the state of orphanages based on the example of the Vyazma children's orphanage at the Smolensk region. New archival documents were introduced into scientific circulation, showing the problems of the organization and sanitary condition of children's educational institutions. Also it was given statistical data on neglected children and adolescents who find themselves in a criminal environment, and on the crimes committed by them. The authors concluded

that the state took into account the experience of past wars in order to prevent homelessness and the growth of child crime.

Keywords: homelessness, child neglect, children's orphanages, minors, the Great Patriotic War.

Важной задачей органов власти на освобожденной от фашистов территории стала проблема социального сиротства. Тысячи детей остались без родителей. Так в 1943 г. в Калининской (ныне Тверской) области было зарегистрировано 14198 беспризорных детей, 12 тысяч таких детей было в Сталинградской области, более 15 тысяч – в Брянской области, 17730 – в Курской области и т.д. Из-за гибели огромного числа людей, резко увеличилось количество детей, оставшихся без родителей. Отсутствие родительской опеки и тяжелое материальное положение неизбежно вовлекало детей и подростков, оставшихся без родных и близких, в криминальную среду. Так по данным Главного управления НКВД в 1942 г. было задержано 200 тысяч беспризорных детей и подростков, а общее число преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось в сравнении с 1941 г. на 55% [3, с. 73].

В период всеобщего горя и опасности в обществе проявляются наивысшие духовные качества, которые находят свою реализацию и воплощение в различных направлениях. Одним из самых страшных последствий Великой Отечественной войны стала детская безнадзорность. Власть не могла быстро решить данную проблему, на это понадобилось время. Результатом военных преступлений против мирного населения, боевые действия и голод привели к тому, что в период оккупации погиб каждый шестой житель Смоленщины [4, с. 318].

Борьба с беспризорностью была одной из первых задач, поднятых в работе Смоленского обкома и облисполкома. В начале 1942 г. были образованы областная и районные комиссии по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Одной из главных задач СССР было учёт сирот и их обустройство, однако это происходило очень медленно. К ноябрю 1942 г. было

учтено около 3474 детей, большая часть из которых была не устроена. Уже в 1943 г. в тыл из Смоленщины были эвакуированы 6 тысяч детей-сирот и более 5 тысяч помещены в детские дома. В соответствии с постановлением партии и правительства от 21 августа 1943 г. на территории области было создано 24 детских дома и 2 специальных ремесленных училища, каждое на 400 человек. При этом в сильно разорённых войной районах устройство детей на патронат проходило с большими трудностями. Поэтому органы власти сразу взяли ориентир решение вопроса беспризорности с помощью устройства сирот в семьи. Так в феврале 1942 г. на Смоленщине тем, кто взял на себя ответственность по опеке и воспитанию детей-сирот, выплачивалось пособие в размере 50 рублей в месяц на каждого ребенка [4, с. 318-319].

Летом в Смоленской области действовало 7 детских домов, где содержались 873 воспитанника. Но условия во многих детских домах были тяжёлыми. Так в Кондровском детском доме 42 ребёнка спали вдвоём на одной кровати. Во многих детских домах были перебои с питанием.

После освобождения Смоленской области число сирот выросло. На 1 февраля 1944 г. по области было учтено 12042 ребёнка-сироты. Количество детских домов постоянно увеличивалось. Если зимой 1944 г. действовало 15 детских домов с 1600 воспитанниками, то через год их было уже 27 на 3308 детей. Кроме того, согласно постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации» в Смоленской области были открыты 3 специальных детских дома на 800 человек [5, с. 57].

Рассмотрим Вяземский детский приемник, располагавшийся по ул. Бебеля, занимавший три приспособленных здания, огороженных забором с колючей проволокой. В этом приемнике комиссией было проведено обследование [2]. В первом здании, кирпичном одноэтажном, было три комнаты, занятые под общежитие. Помещение было холодное и сырое. Три вторые рамы неостекленные, наружные двери не утеплены. Несмотря на проводившийся в период обследования ремонт, комнаты имели неприглядный

вид. Умывальника не было, дети умывались из бочка, из которого же брали воду для питья. В общежитии были 14 железных кроватей, на которых размещалось 34 человека, несмотря на наличие 25 топчанов, которые хранились в кладовой. В комнатах отсутствовали столы, тумбочки, скамейки, табуретки. Не хватало лампочек, не было радио. На приобретение инвентаря было израсходовано 4376 рублей. Постельными принадлежностями дети были обеспечены, имелось 2 смены белья [2, л. 37].

Во втором здании размещалась столовая и кухня. На кухне отсутствовал ящик для хранения продуктов, не хватало ложек, кастрюль, жаровен, гирь для развешивания хлеба и продуктов, а имевшиеся в наличии были не клейменными. Столовая находилась в летнем помещении, непригодном для трапез в зимних условиях. Вид столовой был неприглядный: штукатурка обвалилась, с потолка и стен капала вода, падая в тарелки и на головы детей. Помещение столовой было сырое, темное и холодное. Дверь не утеплена, тамбура не было. Питание проходило в 2-3 смены из-за отсутствия столов, скамеек и посуды.

В третьем здании, приспособленном из сарая, размещались: канцелярия, где жила старшая воспитательница, квартира начальника детского приемника, медпункт, изолятор, кладовая и конюшня, прачечная. В кладовой, вместе с продуктами, хранилось вещевое имущество, стиральное белье, носимые бушлаты, галоши и т.д. Имевшаяся баня и дезкамера не функционировали из-за неисправности, дети проходили санобработку и мылись в городской бане. С целью расширения детского приемника на 1947 г. было отпущено 30 тысяч рублей.

На территории детского приемника имелась холодная уборная, располагавшаяся в 50 метрах от общежития. Потребность приемника в топливе составляла 300 кубометров дров. На день проверки имелось 5 м³ дров и 1 тонна торфа, было перечислено денег на 20 м³ дров и еще 38 м³ было заготовлено в лесу. Чтобы обеспечить детей и учителей необходимыми продуктами питания многие школы и детские дома активно развивали подсобное хозяйство. Были

даже специальные планы-разнарядки на посев. На селе начальной школе выделялось 0,5 га, семилетней – 2 га, средней – 4 га. Городским школам земли выделялось меньше, соответственно 0,2; 0,4 и 0,5 га. Детскому дому могли выделить 10 и более га земли. Так в середине 1945 г. все детские дома области имели на своих приусадебных участках 338 га посевов. Летом 1944 г. в Смоленской области возникли сотни пришкольных участков. Только в 28 районах, т.е. половине территории области, было засеяно 313 га зерновых, 288 га картофеля, 45 га овощей. Половину урожая отдавали в Фонд обороны, а остальное было использовано для улучшения продовольственного положения учителей и организации в школах бесплатных столовых. В целом к 1945 г. в области удалось создать сеть детских домов. Всего их было 66, в том числе 7 дошкольных на 6029 воспитанников [2, л. 38].

Рассматриваемый нами детский приемник имел на территории с. Лосьмино свое подсобное хозяйство на 9 га, из них 2,5 га пашни, на которых был засеян овес, картофель, пшеница, огородные культуры. Урожай 1946 г. дал 700 кг овса, 85 кг пшеницы, 3,5 тонн картофеля и овощей, 13 тонн сена. Имелось 4 коровы, которые размещались у скотницы по договору в связи с отсутствием помещения для скота и хранения фуража на территории, занимаемой приемником.

При детском приемнике имелось овощехранилище для хранения картофеля и овощей. Дверь в овощехранилище не была утеплена, из-за чего картофель был сырой и частью подгнивший. К весеннему севу 1947 г. приемник не готовился из-за отсутствия площадей и семян.

Воспитанники детского приемника одежной и обувью были обеспечены недостаточно. Кожаная обувь имелась в достаточном количестве, но не подходила по размеру, сваленная обувь была мала в размерах. Теплой одежной дети также не были обеспечены, из имевшихся 25 бушлатов в употреблении находилось только пять, которые выдавались детям на время работы на территории приемника. В остальное же время дети находились без одежды, отсутствовали чулки, носки, мыло [2, л. 38].

Воспитанникам детского приемника предоставлялось трехразовое горячее питание. Продукты при этом отпускались в централизованном порядке, своевременно и в достаточном количестве, но ввиду неповоротливости начальника детского приемника на день проверки не были доставлены из Смоленска сахар, жиры, мясо, рыба и мыло. Рыбу было нечем заменить, масло на 14 января 1947 г. заменялось мясом до 11 февраля 1947 г., а с 11 февраля 1947 г. в связи с отсутствием мяса и эта замена была прекращена. Сахар не выдавался с 8 февраля 1947г., меню заносилось в тетрадь, которая хранилась в канцелярии приемника, причем никем не подписывалась. Так, например, на 11 февраля 1947 г. было указано в меню: завтрак – лапша, обед суп картофельный и каша, ужин – суп картофельный. Фактически вместо картофельного супа были приготовлены щи. По накладной были выписаны горох, картофель, а приготовлена на завтрак вермишель, на обед были выписаны 20 кг картофеля, получено же 9 кг картофеля, остальное заменялось свеклой, капустой. Книжного учета продуктов не велось с 1 февраля 1947 г., остаток продуктов был выведен только на 1 января 1947 г. Продукты из кладовой отпускались на день не полностью, хранились на кухне в открытом виде и закладывались в котел без веса, на глаз. Со слов воспитанников Иванова, Иващенко и Евдокимова были случаи недочета хлеба детям, особенно дошкольникам. Дети заявляли о том, что в день проверки обед был хороший, в остальное же время первое блюдо отличалось большим количеством воды и малым количеством крупы и овощей. Обслуживающий персонал снабжался по карточкам, но имелись случаи, когда, по словам начальника детприемника, в детской столовой питались завхозы и эвакуаторы в период командировок. А, по словам детей, в столовой все время питались воспитательницы, медсестра и завхоз.

Воспитательная работа среди детей приемника была поставлена неудовлетворительно. Отсутствовала учебная работа, имевшаяся библиотека состояла из небольшого количества журналов, старых, не позже 1944 г. издания, и книг, не соответствовавших возрасту воспитанников. Выписывались газеты «Правда», «Известия», «Рабочий путь», «Комсомольская правда»,

которые детям не выдавались, были выписаны на 1947 г. журналы «Мурзилка», «Затейник», «Вожатый».

В штате детского приемника имелись три воспитательницы: Карданова – старшая воспитательница, Ерофеева и Лазарева, из них Карданова и Лазарева имели специальное педагогическое образование. Ерофеева училась в 10 классе школы рабочей молодежи. По своим деловым и политическим качествам Ерофеева и Кардамонова не соответствовали требованиям. Кардамонова жила на временно оккупированной территории, до оккупации состояла в рядах ВЛКСМ и после освобождения области в комсомоле не восстанавливалась, мотивируя тем, что сразу решила вступить в ряды ВКП (б). По словам Розеева, Кардамонова заявила, что в партию вступать не будет, т.к. «ни где нет правды». Воспитательница Ерофеева не работала над повышением своего идейно-политического уровня, не читала газет, не знала новинок художественной литературы и искусства.

Планы воспитательной работы составлялись формально, декларативно. Педсоветы собирались очень редко, причем в основном по вопросам утверждения планов работы, которые составлялись не к началу месяца, а по истечению 5-7 дней после начала месяца. Вся воспитательная работа в приемнике сводилась к чтению отдельных книг и журналов. Большую часть дня дети были предоставлены сами себе. Настольные игры и музыкальные инструменты отсутствовали. Обучение в реальности состояло из работы по двору и кухне, как-то: рубка и пилка двор, мойка полов, чистка картофеля. Физическое воспитание ограничивалось проведением утренней физзарядки.

Политинформация как среди воспитанников, так и среди воспитателей, не проводилась. Никакой явной агитации не было, отсутствовали плакаты, лозунги и стенгазеты. Кино дети посещали очень редко, не было экскурсий. По словам воспитанников, как со стороны начальника Розеева, так и со стороны воспитательницы Ерофеевой и даже вахтера Пушкиной, в отношении детей применялись физические наказания. Например, воспитательница Ерофеева до крови разбила нос воспитаннику Иващенко Ф., а воспитанника Иванова

воспитательница Розеева наказала ремнем. Телесные наказания, например, дергание за ухо применялись взрослыми в отношении детей регулярно и воспитателями, и вахтером. Имелись случаи наказания в виде лишения обеда.

В штате детского приемника имелась медсестра, три единицы врача, но санитарное состояние помещений признавалось неудовлетворительным.

По итогам обследования комиссия приняла решение о необходимости проведения тщательной ревизии хозяйства детского приемника, пересмотра штата с целью замены отдельных работников, особенно Кардановой, Ерофеевой, завхоза Иванова, кладовщицы Аристарховой, вахтера и бухгалтера [2, л. 38].

В 1943 г. в Вязьме и районе было создано, не считая детского приемника на 70 детей, два детских дома. Но к 1945 г. в городе остался только один детский дом, некоторые дети нашли своих близких, но большинство из воспитанников забрали жители Вязьмы в свои семьи (в 1945 г. 108 сирот воспитывалось родственниками и соседями) [4, с. 348].

В дополнение к выше сказанному следует добавить, что в приемнике комиссией были выявлены колоссальные проблемы, связанные с обеспечением детей продовольствием, нехваткой мест их размещения, а также снабжения одеждой. Если вопросы размещения и снабжения одеждой можно было решить на месте, то проблема с продовольствием была системной.

Особого внимания заслуживала детская беспризорность и преступность. Так в результате проверки, проведенной 11 мая 1944 г., начальником управления НКВД по Смоленской области полковником госбезопасности Печенкиным, было установлено, что в Вязьме количество совершаемых несовершеннолетними преступлений из месяца в месяц увеличивалось. Только за апрель 1944 г. было зарегистрировано 14 уголовных преступлений. Абсолютное большинство из них совершалось подростками, работавшими на строительстве Главного прорабского участка Вязьмы. На данном участке работали подростки, мобилизованные из районов Смоленской области и 105 человек, прибывших из школы фабрично-заводского обучения.

При анализе причин роста преступлений, совершенных несовершеннолетними, было выявлено, что они коренятся, главным образом, в сложных материально-бытовых условиях и отсутствии воспитательной работы среди подростков. Месячная заработная плата каждого подростка составляла 130 рублей при прожиточном минимуме в 180 рублей. Таким образом, получаемой зарплаты даже без всяких вычетов на одежду и обувь не хватало на питание, и это обстоятельство толкало подростков на преступления.

В общежитии для подростков отсутствовали элементарные бытовые и санитарные условия: постельных принадлежностей не было, люди спали на общих нарах, в помещениях было грязно, чистота и порядок не поддерживались, воспитательная работа отсутствовала, процветали азартные игры, распитие спиртных напитков, хулиганство и воровство. Подростки группами посещали рынок, где занимались спекуляцией и кражами. Общежитие для девушек-подростков посещали военнослужащие в нетрезвом виде, где допускали всякие безобразия. Администрация стройконторы не только не боролась со всеми этими отрицательными явлениями, но фактически способствовала их появлению. Например, подросткам были выданы галоши-маломерки, которые не подходили по размерам, и они вынуждены были их продавать на рынке за 300-400 рублей.

8 марта 1944 г. взрослым рабочим администрацией стройконторы была выдана водка, а подросткам в этом было отказано, последние в знак протеста отказались выйти на работу, и вышли только 12 марта 1944 г., когда администрация удовлетворила их просьбу, т.е. выдала им алкоголь. Водка так же без учета возраста раздавалась подросткам обоего пола на праздник 1 мая. Среди подростков имелась комсомольская организация, насчитывающая в своих рядах 35 человек, но никакой работы она не проводила. Вяземский горком ВЛКСМ руководил этой организацией неудовлетворительно.

Все указанные отрицательные явления среди подростков стройконторы были отмечены еще в январе 1944 г., тогда же были поставлены в известность

ГК ВЛКСМ и ЦК ВКП (б), но необходимых мер к устранению указанных нарушений не поступало [1, л. 3-4].

Дважды в течение 1917-1945 гг. Советская Россия пережила проблему беспризорности детей, являющейся следствием сначала гражданской, а затем и Великой Отечественной войн. Однако следует отметить существенные отличия. Если в политике государства по данному вопросу в 1920-е гг. преобладала доктрина жесткого перевоспитания детей-сирот, являвшихся представителями разных классов, в том числе и «враждебных», в условиях коммун, работавших по принципу замкнутых учреждений-колоний, то на территории Смоленской области, освобожденной после немецкой оккупации, развивался более мягкий метод, ставивший главной целью не перевоспитание, а заботу и помощь детям-сиротам [4, с. 318]. В то же время, как показал анализ архивных документов, на местах нередко допускались значительные нарушения в организации и содержании детских приютов, что серьезно ухудшало условия жизни детей. Своевременная реакция контролирующих комиссий способствовала решению этих проблем и улучшению условий содержания сирот.

К концу Великой Отечественной войны в советских семьях воспитывалось около 350 тысяч детей-сирот, что составляло примерно 35 % от общего числа более чем 1 миллиона советских детей, потерявших в войну своих родителей или связь с ними [1, л. 3-4]. На протяжении военных лет, а также в послевоенное время, государство выделяло денежные средства на обеспечение детских приемников, велась работа по учету и профилактике безнадзорных детей, чтобы предотвратить детскую преступность и не допустить ее роста. Полностью преодолеть беспризорность удалось только после окончания Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 28. Обзор по протоколам бюро РК и ГК ВКП (б).

Спецсообщение. Списки ответственных работников, партизан и лиц, оставшихся на оккупированной территории района. 1944 г. Л. 3-4.

2. ГАНИСО. Ф. 38. Оп 1. Д. 134. Акт обследования Вяземского детского приемника от 11-12 февраля 1947 г. Л. 37-38.

3. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 65-75.

4. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа: Монография. Смоленск: Свиток, 2015. 367 с.

5. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. М.: Госполитиздат, 1943. 63 с.

Сведения об авторах:

Иванов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленск, Россия).

Котова Эвитта Анатольевна – студентка Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленск, Россия).

Data about the authors:

Ivanov Alexander Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department, Smolensk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Smolensk, Russia).

Kotova Evitta Anatolievna – student of Smolensk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Smolensk, Russia).

E-mail: Aleks-I-82@yandex.ru.

E-mail: kotovaevitta@gmail.com.